

Юлия Беринг

ИГРУШКА
ЖЕСТОКОГО
НАСЛЕДНИКА

Ты хотел заткнуть мне рот,
но теперь умоляешь говорить!

Юлия Беринг

**Игрушка жестокого наследника.
Ты хотел заткнуть мне рот, но
теперь умоляешь говорить!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты хотел заткнуть мне рот, но теперь умоляешь говорить! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

В элитной медицинской академии меня называли Тихоней. Бедная стипендиатка, которую можно унижать безнаказанно. Марк Ректоров, жестокий сын ректора, публично объявил меня бесполезной. — Ты просто мусор, Алина. Буферная зона для чужих ошибок! Он угрожал отчислением, преследовал меня и пытался уничтожить моё будущее. Но однажды я услышала его страшный секрет. Марк страдает от мучительных приступов сенсорной перегрузки. И только мой необыкновенный слух способен найти спасительную тишину. Теперь он умоляет меня остаться рядом! Но я уже нашла доказательства преступлений его семьи. Он хочет сделать меня своей игрушкой. А я собираюсь заставить наследника признать, что моя свобода дороже его власти. И впервые выбирать буду я!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юлия Беринг

Игрушка жестокого наследника.

Ты хотел заткнуть мне рот, но теперь умоляешь говорить!

Глава 1

Мой план на первый день был прост до примитивности: стать частью обоев. В медицинской академии «Святого Лазаря» я успела разглядеть часы стоимостью в нашу комнату в коммуналке и сумку, за которую мама работала бы год. На этом фоне мой потёртый рюкзак хотелось спрятать под куртку. Я знала своё место: последняя парты, тень в углу, голос, который никто не слышит. Абсолютный слух и феноменальная память были моим проклятием и единственной защитой. Если я не буду говорить лишнего, они не поймут, что я слышу всё.

Аудитория №402 пахла свежей краской и дорогими духами. Я проскользнула внутрь, стараясь быть тише мыши, и начала сканировать пространство. Скрип ножки стула слева от меня звучал как выстрел. Виктория Ковальски сидела у окна, её светлые волосы ловили лучи солнца, создавая вокруг неё почти святую ауру. Она была дочерью главного спонсора, королевой курса и уже смотрела на мой рюкзак с брезгливым интересом.

Я потянулась к свободному месту рядом с ней, надеясь затеряться в толпе. В тот момент, когда мои пальцы коснулись спинки стула, он резко выдвинулся вперёд. Нога Виктории в туфельке на тонком каблуке ударила по ножке с грацией балерины, исполняющей пас-де-де.

— Ой, прости, — её голос был сладким, как испорченный мёд. — Кажется, ты слишком громко дышишь. Это мешает мне сосредоточиться на лекции об этике. А тебе, наверное, и так есть о чём думать? Например, о том, как оплатить обед?

Группа хихикнула. Уши обожгло. Я отступила от стула и поправила юбку, уставившись на её подол. До последнего ряда дошла вдоль стены и села у прохода. Внутри всё кричало, но снаружи я оставалась неподвижной. Проглотить. Держаться. Не дать им крови.

Лектор, профессор Громов, начал опрос. Его глаза скользили по рядам и остановились на мне.

— Алина Волкова? Вы новенькая. Расскажите нам, почему принцип «не навреди» считается фундаментальным в медицине?

Я открыла рот. Горло пересохло, язык прилип к нёбу. Из первого ряда донёсся холодный, насмешливый бас. Марк Ректоров, сын ректора и капитан студенческого совета, сидел в первом ряду, развалившись, как лев на солнцепёке. Он даже не повернул головы, но его слова разрезали воздух острым скальпелем.

— Зачем спрашивать у буфера? — усмехнулся он, листая свой телефон. — Она же немая. Или она думает, что если будет молчать достаточно долго, вопрос сам решится? Мы здесь не в библиотеке, а в академии элиты. Буферная зона должна сливать мусор, а не генерировать ответы.

Тишина повисла густая, как смола. Я прошептала начало ответа; в соседнем ряду зашуршал пакет, и профессор меня не расслышал. Он вздохнул, разочарованно махнул рукой.

Виктория использовала эту паузу как оружие. Она встала, её сумка из кожи питона звякнула брелоками.

— Может, потому что диплом куплен, а учебник не читала? — она указала на мою закрытую книгу. — Хотя какой смысл читать тем, кто привык жить за чужой счёт? Ты же просто занимаешь место тех, кто действительно достоин учиться здесь.

Пальцы сжались в кулаки под партой до побелевших костяшек. Оправдываться сейчас — значит показать слабость, подтвердив их теорию о моей никчёмности. Молчание стало моим щитом, но оно же было и клеткой. Они ждали слёз. Я не дала им ни одной капли.

После лекции поток людей хлынул наружу. Меня окружили не сочувствующие, а любопытные. Шепоток пронзал кожу иглами.

— Слышал, она стипендиатка? Грязь в коридорах мыть будет?

— Говорят, у неё нет денег даже на чай.

Виктория прошла мимо, демонстративно бросив свою тяжёлую сумку прямо мне под ноги, блокируя путь к выходу. Тяжёлый угол сумки ударил по голени.

— Аккуратнее, дорогая. Тут много ценных грузов, не стоит их ронять, — процедила она сквозь зубы, подхватывая сумку за ручки.

Я споткнулась о чужие ноги, обошла препятствие и вылетела в коридор, чувствуя спиной сотни взглядов, оценивающих меня как товар низкого сорта. До общежития я дошла, не замечая дороги. Внутри пахло дезинфектантом и давно закрытыми окнами.

У окна лестничного пролёта стоял Егор. Старший лаборант, магистрант с шрамом, пересекающим скулу, которого все боялись и обходили стороной. Он курил, хотя курение в здании было строго запрещено. Дым клубился вокруг него, словно ореол грешника. Егор смотрел не на улицу, а на мои руки, которые всё ещё дрожали мелкой дрожью.

— Твои глаза видят слишком много для той, кто хочет быть невидимой, — сказал он без приветствия. Его голос был низким, хриплым от сигарет.

Я вздрогнула от скорости его реакции. Он заметил то, что другие пропустили: не мою слабость, а мою концентрацию.

— Я ничего не вижу, — резко ответила я, пряча руки в карманы. — Я просто хочу спать.

Захлопнув дверь своей комнаты, я прислонилась к ней спиной, пытаюсь успокоить сердцебиение. Комната была крошечной, казарменной. Три кровати, шкаф, стол. Соседки ещё не вернулись; впервые за день меня никто не разглядывал.

Ночь пришла внезапно. Свет в коридоре мигнул и погас. В комнате воцарилась абсолютная темнота. И тогда я услышала это. Тихий скрип балконной двери соседней комнаты, где жили студенты совета. Шаги. Мягкие, уверенные. Кто-то переступил через ограждение.

Марк стоял посреди моей комнаты, подсвеченный луной. Он не угрожал физически, его присутствие давило весом, как плита.

— Ты думала, что тишина спасёт тебя? — прошептал он. Его близость вызывала мурашки отвращения и странного электрического тока. — Тишина — это пустота. А пустоту заполняют те, кто сильнее. Я могу войти сюда в любой момент. Ты не защищена своим молчанием, Алина. Ты только делаешь себя удобной мишенью.

Он положил на подушку сложенный лист бумаги. Записка пахла его дорогим одеколоном и сигаретами.

— Не звони мне. Ты мне не нужна.

Как только он исчез, растворившись в темноте балкона, я включила ночник: свет в коридоре к этому времени уже вернулся. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Я взяла записку. Почерк был угловатым, агрессивным. Я разорвала её на мелкие кусочки. Это уже не хулиганство. Это предупреждение. Он знает, где я живу. Он считает меня игрушкой.

Утро встретило меня серым небом и тяжестью в животе. В столовой царил хаос тарелок и голосов. Я шла к своему обычному месту в углу, когда увидела картину, от которой кровь стыла в жилах. Виктория плакала. Настоящими, красивыми слезами, которые не портят

макияж. Перед ней сидел ректор, отец Марка, и слушал её жалобы на «токсичную атмосферу» и «странное поведение» первокурсницы Волковой, которая якобы пугает девушек ночными прогулками и странными взглядами.

Ректор, не вдаваясь в детали, уже доставал ручку, чтобы подписать бумагу о «временном испытательном сроке». Для стипендиатки это означало одно: отчисление.

Я остановилась. Мир замер. Мой абсолютный слух, обычно заглушаемый шумом, вдруг стал хирургически точным. Сквозь гул голосов я выхватила фразу, которую Виктория шепнула помощнице, стоящей чуть поодаль, считая, что её не слышно.

— ...и этот дурак Марк даже не заметил, как я подменила её реферат вчера вечером. Теперь она точно вылетит. Этот дармовой материал идеально ложится в мою конкурсную работу.

Время остановилось. Реферат. Тот самый, который я написала три дня назад, используя обезличенные клинические данные из выданной кафедрой подборки. Они не просто унижали меня. Они украли меня. Их высокомерие оказалось слепым пятном. Они считали меня глупой мышью, которая не видит, как её загоняют в угол.

Страх, липкий и холодный, исчез. На его месте вырос ледяной расчёт. Каждый звук, каждый шаг, каждое слово этих людей теперь имели вес и цену. Я посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали. Пальцы были спокойны, сильны и готовы работать.

Я прошла мимо их стола, не глядя на них, но чувствуя спиной их уверенность в победе. Они праздновали раньше времени.

Впервые за двадцать лет жизни я улыбнулась уголком губ, глядя на спину удаляющейся Виктории. Внутри щёлкнул переключатель. Игра началась.

«Поиграем», — подумала я, и эта мысль звенела в голове чище любого колокола.

Глава 2

Воздух в лекционном зале №4 был густым, как кисель, и пах старыми учебниками, дезодорантом Виктории и чьей-то тревогой. Я сидела на последнем ряду, прижавшись спиной к холодному пластику спинки стула, и считала секунды до конца пары по этике. Мой пульс бился где-то в висках, гулко и назойливо, перекрывая монотонный голос преподавателя.

Я ненавидела этот зал. Ненавидела его идеальную акустику, где каждый шепот разносится, как гром среди ясного неба, и где тишина — это не покой, а ожидание удара.

— ...и потому академическая честность является фундаментом нашей профессии, — бубнил профессор Громов, не поднимая глаз от конспекта.

Виктория подняла руку. Не просто подняла — вздернула её, как знамя победы. Её блузка была застегнута так туго, что пуговицы, казалось, вот-вот лопнут. Она улыбалась всем сразу, но глаза у неё были мёртвые, хищные, как у акулы, учуявшей кровь.

— Прошу прощения, профессор, — её голос звенел на весь зал, чистый и уверенный. — Но мне кажется, мы здесь зря теряем время на лекции о морали, когда рядом с нами происходит её полное отсутствие. Алина Волкова скопировала мой реферат. Дословно. Даже опечатки в цитатах совпадают.

Зал замер. Сто двадцать пар глаз повернулись ко мне. Я почувствовала, как внутри всё обрывается, падает в черную дыру стыда. Это было неправдой. Абсолютной, кристальной ложью. Мы писали работы на одну тему, да, но я использовала первоисточники из закрытой библиотеки, которые она даже не открывала. Но доказывать это сейчас... здесь? Перед всеми?

Я открыла рот. Горло сжалось спазмом.

— Это... это совпадение терминологии, — выдавила я. Голос дрогнул, сорвался на писк, жалкий и тонкий, как ниточка паутины.

Виктория рассмеялась. Коротко, сухо, без веселья.

— Совпадение? Алина, ты даже не пыталась замаскировать украденное. Ты просто скопировала файл и сменила имя. Жалкая стипендиатка. Тебе повезло, что тебя вообще взяли сюда.

Слова упали на меня, как камни. Жалкая. Не повезло. Я сжала кулаки под партой так сильно, что ногти впились в ладони, пока не потянулась кровь. Боль была реальной, физической, единственной вещью, которая отделяла меня от этого унижения. Я хотела сказать, что у меня есть черновики, есть история изменений файла, есть даты загрузок. Но слова застряли в горле комом. Страх перед тем, что меня выслушают и не поверят, парализовал лучше любого лекарства.

Профессор Громов помедлил. Он посмотрел на Викторию — дочь главного спонсора, девочку с дорогой улыбкой и связями — и потом на меня. В его взгляде не было сочувствия. Только усталость и желание поскорее закончить пару.

И тут рука поднялась в первом ряду.

Марк. Капитан студенческого совета. Сын ректора. Тот самый «король» этой академии, который считал себя выше правил, потому что сам их писал. Его пальцы были длинными, белыми, с аккуратным маникюром. Он не кричал. Он просто ждал, пока внимание аудитории переключится на него. И оно переключилось. Магнитом.

— Можно слово? — спросил Марк. Его баритон был низким, вибрирующим, он заполнял пространство, подавляя остатки моего голоса.

Громов кивнул, явно обрадованный тому, что проблема решается «внутри системы».

Марк развернулся на стуле, глядя прямо на меня. Его серые глаза были холодными, как сталь хирургического скальпеля.

— Алина, — произнес он моё имя так, будто оно было ругательством. — Почему ты молчала раньше? Почему ты не защищалась, когда тебя обвиняли в том, чего не делала? Или ты привыкла быть удобной мишенью?

Я смотрела ему в глаза, пытаюсь найти там хоть искру сомнения. Но видела только удовлетворение. Ему нравилось это. Нравилось держать аудиторию в напряжении, играть роль вершителя судеб.

— Я... пыталась объяснить, — сказала я тихо.

— Объяснить? — Марк усмехнулся, и эта усмешка прошла через толпу, вызывая волну хихиканья. — Послушайте все. Такие люди, как Волкова, — это буферная зона. Место, куда сливают мусор академической честности, чтобы другие чувствовали себя чище. Если кто-то ошибется, всегда найдется та, кого можно обвинить. Та, кто не имеет веса. Та, кому проще заткнуть рот, чем слушать.

Он сделал паузу, наслаждаясь тишиной.

— Так что, Алина. Признавай. Тебе легче будет.

Мир сузился до точки. Буферная зона. Он назвал меня мусорным контейнером для чужих грехов. Внутри меня щёлкнул переключатель. Не страх. Не слёзы. Ледяная ясность. Они хотели увидеть жертву. Они хотели услышать рыдания или оправдания. Но они получили наблюдателя.

Я выпрямила спину. Мои плечи перестали трястись. Я посмотрела на Викторию, которая торжествующе подмигнула своим подругам, и вдруг поняла механику игры. Виктория не читала источники. Она копировала абстракты. Она никогда не работала с оригиналами, потому что боялась сложных формулировок.

— Вы забыли указать источник ошибки в третьем абзаце, — сказала я.

Голос звучал ровно, спокойно. Зал притих.

Виктория дёрнулась.

— Что?

— В третьем абзаце вашего «реферата», который вы называете моим плагиатом, вы цитируете работу Ковача 2019 года, — продолжила я, глядя не на неё, а на профессора. — Но в оригинальной статье Ковача, опубликованной в журнале «Медицинская этика», этот термин используется в значении «автономия пациента». У вас же написано «патерналистский контроль». Это грубая ошибка перевода, которой нет ни в одной моей работе. Потому что я читала статью целиком. На языке оригинала.

Тишина стала оглушающей. Кондиционер над головой загудел, и я мысленно отметила: частота 60 герц, дребезжит левый воздуховод. Этот шум мешал сосредоточиться всем остальным, но мне он не мешал. Он помогал структурировать хаос.

— Блефует, — процедила Виктория, но в её глазах мелькнуло неуверенное сомнение. — Ты не можешь помнить такие детали.

Марк резко вскинул руку, останавливая нарастающий гул обсуждения.

— Повтори фразу. Громче. И точно.

Я посмотрела на него. В его лице впервые не было насмешки. Было любопытство зверя, почуявшего новую добычу.

— «Автономия пациента», статья Ковача, журнал «Медицинская этика», выпуск 4, страница 127, второй абзац сверху. Ошибка Виктории в датировке ссылки: она указала 2020 год вместо 2019, хотя в оригинале стоит декабрь 2019-го.

Глава 3

— Фокус для цирковых обезьян, — буркнул Марк, но его голос потерял прежнюю уверенность. Он встал. Высокий, статный, в идеально сидящем костюме. — Хочешь доказать свою феноменальную память? Давай сыграем. Выйди к доске. Напиши полный список источников, которые ты использовала в своей работе, и сопоставь их с теми, что указаны в твоём «украденном» тексте. Две минуты. Если хоть одна дата или номер страницы не совпадет с архивом — ты отчислена немедленно. Если совпадут... ну, тогда посмотрим.

Это была ловушка. Он знал, что я нервничаю. Знал, что мел крошится и руки будут дрожать. Но он недооценил одно: я не боялась белого листа. Я боялась темных углов.

Я встала. Ноги подкосились на секунду, но я поймала равновесие. Путь к доске занимал двенадцать шагов. Я считала их. Один. Два. Три. Каждый шаг отдавался эхом в голове. Четыре. Пять. Шесть. Сто двадцать пар глаз следили за мной. Семь. Восемь. Я чувствовала запах мела — сухой, минеральный, странный запах чистого знания. Девять. Десять. Одиннадцать. Двенадцать.

Я взяла кусок мела. Он был влажным. Кто-то специально оставил его у окна, где конденсат капал со стекла. Я почувствовала это кончиками пальцев. Холодная сырость проникла в кожу.

— Начинай, — скомандовал Марк.

Я начала писать. Почерк у меня ровный, почти печатный. Я не думала, я вспоминала. Фотографическая память возвращала каждую страницу, каждый колонтитул, каждую сноску.

1. Ковач М. (2019). Этические аспекты...

2. Иванов А. (2021). Биоэтика в...

3. Смит Дж. (2018)...

Рука двигалась быстро. Мел скрипел, оставляя белые следы на темной поверхности. Я слышала дыхание людей за спиной. Кто-то шептался. Кто-то хмыкал.

На середине списка, написав двенадцать пунктов, я почувствовала легкое движение воздуха справа. Запах дешевого кофе и старой бумаги. Егор. Старший лаборант. Он стоял у двери, держа стопку документов, и его взгляд скользнул по доске.

«Мел влажный. Будет крошиться» — его шепот долетел до меня, тихий, как шелест крыльев бабочки.

Я не обернулась. Я знала это. Я уже чувствовала, как мел ломается под давлением пальца. Но я продолжала писать. Третнадцатый пункт. Четырнадцатый.

Пятнадцатый пункт начинался с буквы «Ф». Я надавила сильнее, компенсируя влажность мела, но он треснул посередине штриха. Белый осколок упал на пол, разлетевшись в пыль.

Марк подошел ближе. Его тень накрыла меня.

— Хватит позориться, — сказал он громко, обращаясь к залу, но глядя на меня. — Ты не можешь даже нормально писать.

Он забрал у меня остаток мела и бросил его в корзину. Звук падения был глухим, финальным. Потом он протянул руку и стер половину написанного. Просто провел ладонью по доске, размазывая список, который я восстанавливала по ночам, превращая буквы в белую грязь. Оставил только мою фамилию в углу: Волкова А.

Он повернулся к аудитории, улыбаясь своей победой.

— Как видите, даже физически не способна выполнить простую задачу. Плагиат очевиден. Вопрос исчерпан.

Я стояла неподвижно. Смотрела на размазанную надпись. На свои пальцы, испачканные в меловой пыли. Белая пыль въелась в линии жизни, в складки кожи.

Страх ушел. Совсем. Вместо него пришла пустота, а затем — холодный расчет. Он думал, что уничтожил мои доказательства. Он думал, что стиранием доски стирает правду.

Но он забыл главное. Я не держала информацию в голове только ради того, чтобы выдать её сейчас. Я держала её как оружие.

Я медленно подняла голову. Не на Марка. На Викторию. Она сияла от триумфа, её щеки порозовели.

— Вы забыли указать источник ошибки в третьем абзаце, — произнесла я снова, но теперь я смотрела прямо в глаза Марку. — Я запомнила номер страницы. Вы тоже?

Марк замер. Улыбка сползла с его лица. Секундная пауза затянулась. Он не ожидал этого вопроса. Он ожидал слёз. Просьбы о пощаде. Но получил зеркало.

В его серых глазах мелькнуло недоумение. Легкая тень интереса. Он понял, что я знаю то, чего не знает он. И что это знание делает меня не жертвой, а игроком.

Я отвернулась и пошла к выходу. Шаги звучали четко, ритмично. Одиннадцать. Десять. Девять.

Когда я достигла дверей, я не оборачивалась. Но я чувствовала его взгляд. Тяжелый, липкий, изучающий. Он следил за мной, пока я уходила. Он думал, что сломал меня. Но он только дал мне повод начать считать его шаги.

Дверь захлопнулась за мной, отсекая гул зала. Коридор встретил меня тишиной и запахом дезинфекции. Я прислонилась к холодной стене и выдохнула. Руки всё ещё дрожали, но теперь это была дрожь не страха, а адреналина.

Я достала телефон. Открыла заметки. Там, в самом конце, скрытом от посторонних глаз, была одна строка, которую я набрала сегодня утром, еще до начала пары. Цитата из статьи Ковача. Точный перевод. Дата публикации. Номер DOI.

Они забрали у меня доску. Но они не забрали у меня память. И теперь они знали, что я могу вспомнить всё. А значит, теперь они должны бояться меня.

Из глубины коридора донесся звук шагов. Медленных, осторожных. Егор вышел из кабинета деканата, держа в руках папку с документами. Он остановился напротив меня. Его лицо было скрыто тенью, но я видела блеск глаз.

— Ты хорошо держалась, — сказал он тихо. Не вопрос. Утверждение.

Я посмотрела на него. На шрам, пересекающий его скулу. На потертый воротник лабораторного халата.

— Я просто говорила правду, — ответила я.

Егор усмехнулся уголками губ.

— В этой академии правда — самая опасная валюта. Но у тебя, похоже, её много.

Он протянул мне визитку. Простую, белую, без имени. Только номер телефона и адрес подвала на территории кампуса.

— Если понадобится помощь расшифровать данные, которые никто больше не может прочитать... пиши.

Я взяла визитку. Бумага была шершавой.

— Зачем тебе это нужно? — спросила я.

Егор уже поворачивался, чтобы уйти.

— Потому что шум становится невыносимым. А ты умеешь создавать тишину.

Он исчез за углом. Я осталась одна в пустом коридоре, сжимая в руке клочок бумаги. Телефон в кармане завибрировал. Сообщение от неизвестного номера: «Буферная зона больше не работает. Следующий раунд начнется завтра. Жду.»

Отправитель был указан как «М». Марк.

Я улыбнулась. Впервые за долгое время. Холодно, опасно.

— Я тоже жду, — прошептала я в пустоту.

Глава 4

Утро пахло хлоркой и чужим презрением.

Я открыла глаза, ожидая привычной тишины общежития, но вместо неё меня встретил хаос. На моем столе, аккуратной пирамидой, громоздились остатки вчерашнего ужина моих соседок по комнате: грязные тарелки с засохшим жиром, обертки от фастфуда, пустые стаканчики из-под кофе. Это была уже не уборка. Это был жест. Символ «буферной зоны», куда сливают мусор. Они ждали истерики. Ждали слез, криков или хотя бы жалобного письма ректору, которое стало бы новой искрой для скандала.

Мои пальцы дрогнули, но я заставила их остановиться. Внутри всё звенело от унижения, а снаружи я превратилась в ледяную статую. Я молча собрала этот мусорный натюрморт, аккуратно складывая его в пакет. Не бросала, не швыряла. Укладывала слоями. Когда я подняла глаза, Ксюша и Лера замерли у своих кроватей, готовясь к атаке. Но я лишь кивнула им, как равнодушным коллегам, и вышла в коридор. Их разочарованные вздохи догнали меня уже за дверью. Они интерпретировали моё спокойствие как сломленность. Ошибка, которая мне только на руку.

На анатомии гудели люминесцентные лампы. Одна над моей партой звенела тоньше остальных; хотелось пересесть, но свободных мест уже не было. Профессор задавал вопрос о строении клапанов сердца. Ответ лежал у меня на языке, готовый вырваться наружу. Но я помнила вчерашний день. Помнила голос Виктории, разрывающий мою репутацию на части. И помнила усмешку Марка.

Марк сидел рядом. Капитан студенческого совета, сын ректора, золотой мальчик с глазами хищника. Он не смотрел на доску. Он смотрел на меня. Его колено медленно, почти незаметно, упиралось в моё бедро. Давление нарастало. Физический дискомфорт смешивался с психологическим давлением. Он хотел реакции. Чтобы я покраснела, отодвинулась, показала страх.

Я опустила глаза, делая вид, что не слышу вопроса профессора. Я считала удары собственного пульса, выравнивая дыхание. Раз, два, три. Марк надавил сильнее. Боль впиалась в кожу. Но я не двинулась. Ни единого вздоха, ни одного нервного тика. Просто пустота. Марк отдернул ногу первым. В его взгляде мелькнуло недоумение. Он хотел крови, а получил холодную сталь. Ему было нечем питать своё эго.

В столовой воздух был густым от запаха жареного мяса и чужих сплетен. Виктория заняла место напротив меня. Она ела изящно, но говорила громко, так, чтобы слышали все за соседними столами.

— Знаешь, Алина, — протянула она, тыкая вилкой в мой дешевый пластиковый контейнер с гречкой. — Тебе стоит есть чаще. Ты выглядишь так, будто тебя забыли покормить. Или это цена за то, что ты крадешь чужие мысли?

За соседними столами замолчали. Все ждали. Ждали, когда жертва заплачет. Ждали драмы.

Я взяла ложку. Поднесла её ко рту. Почувствовала вкус соли, тепла, простого зерна. Я сконцентрировалась на текстуре каши, на том, как мягко она скользит по языку. Для меня слова Виктории стали просто набором звуков без смысловой нагрузки. Шумом. Белым шумом, который можно фильтровать.

Ела медленно. Методично. Не поднимая глаз.

Виктория повторила шутку. Потом третью. Её голос начал звучать фальшиво, резко. Люди вокруг начали переглядываться. Никто не смеялся. Смех требует резонанса, а я отказывалась быть камертоном. Виктория почувствовала себя глупо, разговаривая со стеной. Она

хлопнула салфеткой по столу и ушла, оставив после себя запах дорогих духов и растерянность толпы. Впервые я увидела, как сенсорный фокус работает лучше любой защиты.

Библиотека академии была святилищем знаний, закрытым для таких, как я. Мне нужен был старый учебник по акустике сердца, редкое издание 90-х годов, где были приведены данные, противоречащие выводам Виктории в её украденном реферате.

— Доступ к закрытому фонду только для магистрантов и аспирантов, — процедила библиотекарь, женщина с острым носом и еще более острым взглядом. Она знала обо мне всё из утренних слухов. — А тебе, деточка, лучше сосредоточиться на том, чтобы не отчислиться.

Я не стала спорить. Спорить с системой бессмысленно, если у тебя нет ресурсов. Я села за ближайший стол, достала блокнот и ручку. Начала переписывать оглавление открытых фондов, систематизируя информацию, создавая свою собственную базу данных поиска. Писала быстро, точно, не отрываясь.

Через час я слышала шаги. Тяжелые, уверенные. Из тени стеллажей вышел Егор. Старший лаборант, человек с шрамом на лице, которого боялись даже преподаватели. Он молча наблюдал за тем, как я работаю. Не за тем, как я страдаю, а за тем, как я тружусь. В его глазах мелькнуло уважение. Он видел не послушную овцу, а человека, который обходит барьеры через точность и труд. Он ничего не сказал, но положил перед мной карточку с номером ячейки архива. Это был не ключ, но это был первый шаг.

Коридор после пар был полон людей, но для меня существовал только один путь назад, в общежитие. Марк перехватил меня у лестницы. Он прижал меня спиной к стене, его лицо было опасно близко. От него пахло дорогим табаком и агрессией.

— Почему ты не защищалась? — спросил он тихо, но зло. — Твое поведение вчера... это патологическая трусость. Или игра?

Он ждал оправданий. Ждал просьб о пощаде.

Я посмотрела ему прямо в глаза. Видела расширенные зрачки, дрожание ресниц. Он был напряжен больше, чем я.

— Молчание — это тоже ответ, Марк, — произнесла я ровным голосом. — И оно громче твоих криков.

Он сбился. Замер. Привычка к тому, что люди либо плачут, либо орут в ответ, дала сбой. Моя дерзость в форме абсолютного спокойствия выбила его из колеи. Он не знал, как реагировать на пустоту, которую я ему продемонстрировала. Он отступил на шаг, и в его взгляде впервые мелькнуло сомнение: не слишком ли сильно он недооценил «невидимку»?

Вернувшись в комнату, я обнаружила катастрофу. Мой шкаф был вывален на пол. Книги, одежда, мелочи жизни — всё лежало в грязи. Подруги Виктории постарались на славу, пытаясь сломать меня физически. Страх перед эскалацией насилия впился в горло, но желание дать сдачи было сильнее.

Я начала собирать вещи. Аккуратно, слой за слоем. Под грудой вещей нашёлся блокнот в картонной обложке. Чужой. На первой странице — имя Егора и номер лаборатории.

Как он оказался здесь? После того, что я слышала в столовой, доверять такой находке было страшно. Кто-то оставил её среди моих вещей; Егор должен был узнать об этом первым. Но я поняла другое: теперь у меня была ниточка. Прямая связь с человеком, который мог дать мне доступ к правде. Жаловаться коменданту означало новый виток травли. Молчать означало принимать унижение.

Я спрятала блокнот в карман куртки. Решение созрело мгновенно. Нужно нарушить дистанцию.

Ночь в подвале академии была холодной и сырой. Лаборатория Егора находилась в глубине технического этажа, туда вели служебные лестницы, пропахшие ржавчиной и плесенью. Я проникла туда, рискуя получить выговор или отчисление за нарушение пропускного режима. Сердце колотилось где-то в горле, но руки были твердыми.

Свет вспыхнул резко, ослепив меня. Егор стоял у стола, держа в руке паяльник. Его лицо в тени казалось каменной маской.

— Ты понимаешь, что за это могут отчислить? — его голос был низким, без интонаций.
— Зачем ты здесь?

Я подошла ближе, игнорируя угрозу. Достала блокнот и положила на стол. Открыла страницу с формулами расчета частоты сердечных сокращений.

— Здесь ошибка, — сказала я.

Егор нахмурился. Он посмотрел на цифры, потом на меня.

— Где?

— В расчете амплитуды сигнала на второй минуте дежурства. Вы использовали среднее значение шума, но у пациента была аритмия. В расчёт попала помеха на частоте 4 герца. Данные искажены.

Он молчал. Я начала напевать. Тихо, почти беззвучно, но четко воспроизводя правильный ритм пульса, который я запомнила из аудиозаписи в учебной подборке кафедры. Мелодия боли и покоя заполнила пространство лаборатории.

Егор замер. Его глаза расширились. Он понял. Он услышал то, что другие пропускают. Абсолютный слух. Феноменальная память на паттерны.

Тишина повисла в воздухе, плотная и тяжелая.

— Ты не просто тихая, — наконец произнес он, и в его голосе не было насмешки. Только холодный интерес исследователя. — Ты обладаешь даром, который может читать то, что скрыто в шуме.

Он отложил паяльник.

— Мне нужна помощь. У меня есть данные ночных дежурств, которые никто другой не может расшифровать из-за артефактов. Если ты поможешь мне их обработать, я дам тебе ключ от архива. Настоящий ключ. И защиту.

Это была сделка. Риск ради возможности. Цена дружбы начинала проявляться в тенях подвала.

Егор повернулся и закрыл дверь лаборатории на замок. Щелчок замка заставил меня обернуться. Егор положил ключ на край стола, рядом со мной. Уйти я могла. Остаться означало взяться за данные, из-за которых его здесь боялись.

Глава 5

На следующую ночную смену я спустилась в подвал, пахнувший хлоркой и мокрой шерстью. Этот запах въедался в кожу так глубоко, что я чувствовала его даже после душа, хотя до него было ещё далеко. Мне нужно было выжить эту ночь. Просто выжить. Не думать о том, как Виктория сегодня сунула мне под нос бланк заявления об уходе «за систематическое нарушение дисциплины», не вспоминать холодный взгляд Марка, который наблюдал за этим с балкона студенческого совета, как за интересным экспериментом. Мне нужно было найти место, где никто не сможет достать меня словами. И это место — прачечная элитного корпуса, где ночные смены стирали грязное бельё тех, кто считал себя выше таких, как я.

Надзиратель по имени Глеб встретил меня на пороге с сигаретой в зубах и презрительной гримасой. Он не представился. Не поздоровался. Просто кивнул подбородком на гору мокрых простыней, возвышающуюся над барабанами промышленных машин.

— Норма на двоих, — буркнул он, сплёвывая пепел в ведро. — У тебя час. Если не закончишь, лишу остатков стипендии. Тихоня, слышишь? Работаешь быстрее или уходишь.

Я молча стянула куртку. Внутри всё дрожало, но снаружи я оставалась неподвижной. Это была моя первая линия обороны.

Глеб усмехнулся, ожидая слёз или мольбы. Но я просто подошла к первой машине, загрузила бельё, добавила порошок и запустила цикл. Потом вторую. Третью.

Мои руки двигались механически, но голова работала иначе. Я слушала ритм машин. Гул барабанов был хаотичным для обычного человека, но для меня он раскладывался на ноты. Ш-ш-ш-тук. Ш-ш-ш-тук. Одна машина вибрировала чуть сильнее остальных из-за разбалансировки веса белья. Вторая перегревалась раньше времени. Я перераспределила загрузки так, чтобы баланс совпадал с частотами вращения. Когда Глеб вернулся через двадцать минут, ожидая увидеть меня запыхавшейся и проигрывающей, он обнаружил пустые корзины и работающие на оптимальном режиме машины.

Он замер, прищурившись.

— Как ты это сделала?

— Слышу ошибки, — ответила я тихо, не поднимая глаз.

Он хмыкнул, но больше не сказал ни слова. Оставил меня одну.

Усталость накатывала волнами. Голова гудела. В полумраке подвала гул стиральных машин начал искажаться, превращаясь в голоса.

«Ты никто», — шептал низкий бас Марка.

«Плагаторша», — визжала Виктория.

«Невидимка», — нашептывал сам воздух.

Моё сердце колотилось где-то в горле. Я боялась, что сейчас сорвусь. Что начну кричать прямо посреди шороха барабанов, и этот звук станет финальной точкой моего существования в этой академии. Страх парализовал ноги.

«Заземление», — вспомнила я технику из учебника по психологии, который читала тайком, пока другие листали соцсети.

Я сунула руки в стопку только что постиранных полотенец. Они были влажными, тяжёлыми, тёплыми. Я сжала ткань так сильно, что побелели костяшки. Почувствовала грубые волокна хлопка, впивающиеся в ладони. Запах свежего воздуха и химии. Тепло.

Вдох. Выдох.

Голоса в голове стихли, сменившись ровным монотонным гулом. Я вернулась в «здесь и сейчас». Не жертва. Человек.

Скрипнула дверь. Вошёл Егор.

Он не посмотрел на меня. Не поздоровался. Просто прошёл к дальнему углу, где стоял стол в отделённой стеклом лабораторной подсобке, смежной с прачечной. Он достал несколько пробирок, аккуратно выстроил их в ряд. Его движения были медленными, почти ритуальными. После вчерашнего разговора я ждала хотя бы кивка. Он прошёл к столу, даже не взглянув на меня.

Я продолжала складывать бельё, но краем глаза сканировала его. Заметила, как дрожат его пальцы, когда он берёт стеклянную колбу. Как часто он моргает. На его лице, скрытом тенью, читалось напряжение. Он не был равнодушен. Он был на пределе.

И тут это случилось.

Егор неловко повернулся, задев локтем край стола. Колба соскользнула.

Для любого другого это был бы просто звон стекла. Для меня это была симфония катастрофы.

Хруст. Резкий, высокий звук разрывающихся связей.

Но я услышала другое. Под звоном стекла, сквозь гул машин, я уловила учащённое, сбивчивое сердцебиение Егора. Бум-бум-бум. Быстро. Слишком быстро. Боль? Паника?

Инстинкт опередил разум. Я шагнула к нему, протягивая руку, чтобы остановить его руку, прежде чем он полезет за осколками.

Егор резко одёрнул руку. Отшатнулся, прижимаясь спиной к стене. Его глаза, серые и колючие, метнулись к моим.

— Не трогай меня! — прошипел он. Голос сорвался на хрип.

Это не было грубостью. Это был животный страх человека, привыкшего к боли и отвержению.

Я замерла с вытянутой рукой. Пальцы всё ещё дрожали от адреналина. Я поняла: перешла черту. Вторглась в его личный космос, который он охранял яростнее любой стены.

— Извини, — прошептала я и медленно убрала руку.

Он не ответил. Только тяжело дышал, глядя на мои ладони, испачканные водой.

Тишина между нами стала ощутимой, плотной. Егор смотрел на меня, словно оценивая угрозу. А потом спросил, и в его голосе не было обычного холода, только любопытство, смешанное с недоверием:

— Почему ты не плачешь? Тебя же вчера чуть не сожрали живьём. Весь курс знал, что ты виновата. Ты могла бы рыдать. Могла бы умолять. Но ты... молчала.

Он проверял меня. Искал слабость. Ждал жалобы, оправдания, просьбы о помощи.

Я взяла щётку, которую держала в кармане фартука, и начала сметать осколки стекла в совок. Движения были спокойными, размеренными.

— Слёзы мешают слышать ошибки, — сказала я, не поднимая глаз. — А я не имею права ошибаться.

Егор замер. Его брови удивлённо взметнулись вверх. Этот ответ звучал не как стенания жертвы. Он звучал как профессиональная констатация факта.

— Хитрая фраза, — протянул он. Но в уголках губ мелькнуло что-то похожее на уважение.

Он подошёл к автомату с кофе в углу. Нажал кнопку. Посыпался шум кофейных зёрен, жужжание мотора. Он протянул мне стаканчик с горячим напитком.

— Кофе, — предложил он. — Единственное тепло здесь.

Я покачала головой.

— Нельзя. Глеб оштрафует, если увидит, что я бездельничаю. Даже пять минут паузы стоят слишком дорого.

Егор усмехнулся горько. Эта усмешка исказила его лицо, сделав старше.

— Время стоит дороже денег в этой академии, Алина. Особенно твоё время. Я могу купить тебе эти минуты. Ценой своего авторитета. Или ценой того, что ты расскажешь мне то, чего я не знаю.

Он смотрел прямо в душу.

Я взяла стаканчик. Тепло разлилось по ладоням, проникая в кости.

— Лекция по этике, — начала я, делая глоток. Горький, терпкий вкус обжигал язык. — Там говорили о конфиденциальности данных пациентов. Виктория цитировала пункт 3.2, но пропустила подпункт о праве пациента на забвение информации, полученной незаконно. Марк это заметил. Именно поэтому он позволил ей так себя вести. Она думает, что контролирует ситуацию, но она уже в ловушке.

Егор слушал внимательно. Его пальцы барабанили по стаканчику в ритме моего сердца. Я видела, как напряглись его плечи.

— Ты запомнила детали лекции? Все?

— Абсолютно точно, — кивнула я.

Он молчал несколько секунд, переваривая информацию. А потом полез во внутренний карман куртки и достал планшет. Экран светился в темноте подвала.

— Вот, — он повернул планшет ко мне. — Данные исследования. Нейропластичность при стрессе. Я не могу расшифровать график. Слишком много шума.

Я посмотрела на экран. Хаотичные точки, линии, цифры. Глазами я видела лишь беспорядок. Но уши... мои уши слышали паттерн.

Эти данные имели звуковую аналогию. Ритм колебаний. Частота всплесков.

— Это не случайный набор, — прошептала я, склоняясь ближе. Мой абсолютный слух фильтровал визуальный хаос, переводя его в звуковую структуру. — Видишь эти скачки? Они повторяются каждые семь секунд. Это не шум. Это циклическая реакция на определённый триггер. Ключевой параметр — не амплитуда, а интервал между пиками. За семь секунд укладывается несколько сердечных сокращений. Сверх эти пики с записью пульса, а не со средним значением.

Егор выпрямился. Его глаза расширились.

— Семь секунд... — повторил он. — Я месяцами искал корреляцию с внешними стимулами. А дело было во внутреннем ритме.

Он смотрел на меня теперь иначе. Не как на студентку с ведром. Не как на жертву травли. Как на уникальный инструмент. На ключ, который подходил к замку, который он не мог открыть годами.

— Твоя тишина, — сказал он медленно, — это не отсутствие слов. Это сверхфокусировка. Ты слышишь то, что другие пропускают мимо ушей.

Внутри меня что-то щёлкнуло. Не страх. Надежда. Маленькая, крохотная искра в этом душном подвале. Я не была сломанной. Я была настроенной.

Внезапно телефон Егора завибрировал. Экран осветился входящим уведомлением. Громкое жужжание резануло по нервам.

Егор посмотрел на экран. Лицо его окаменело.

— Марк, — произнёс он одно слово.

На экране высветилось голосовое сообщение. Егор не стал слушать его вслух, но я прочитала текст транскрипции, который автоматически вывелся на дисплей: «Разобраться с этой тихоней. Она начинает представлять проблему. Используй любые методы.»

Егор заблокировал экран и убрал телефон в карман. Он посмотрел на меня. Впервые за весь вечер его взгляд смягчился. В уголках губ появилась едва заметная улыбка. Не насмешливая. А опасная.

— Похоже, мы теперь в одной лодке, Алина, — сказал он тихо. — И я знаю, как грести против течения.

Свет в прачечной мигнул и погас на секунду, оставляя наши лица в полной темноте. Я слышала, как учащается его дыхание. И своё собственное. Мы стояли в темноте, окружённые гулом машин, и впервые за долгое время я не чувствовала себя одинокой.

Но я также понимала: наша тишина только что стала самым громким сигналом тревоги для тех, кто правил этим миром.

Глава 6

Администраторша Люся смотрела на меня так, будто я была не студенткой медицинского вуза, а бродячей собакой, решившей погреться у батареи.

— Испытательный срок, Алина, — она ткнула ногтем в монитор, где горела красная надпись «ЗАПРЕТ НА ЗАСЕЛЕНИЕ». — И статус «плагиатчицы». У нас тут элита, деточка. А ты для них — мусор. Мусору не место в чистом доме.

Я сжала кулаки до боли в костяшках. Холодный воздух общежития пробирал до костей, но злость грела лучше любого камина. Система была закрыта изнутри. Если бы я сейчас заплакала или начала умолять, они бы просто вызвали охрану. Мне нужен был обходной путь. И он был. Грязный, пахнувший хлоркой и отчаянием, но мой.

Прачечная находилась в подвале корпуса «Б», том самом, который считали техническим и почти не посещаемым. Здесь гудели промышленные машины, пар бил в лицо, а воздух был тяжелым от влаги и химии. Я юркнула в служебную дверь, чувствуя, как капли конденсата оседают на ресницах.

В глубине цеха, за штабелем грязных простыней, сидел Егор. Он не поднял головы, когда я вошла. Его пальцы перебирали провода какого-то старого усилителя, лицо было скрыто тенью, но шрам на скуле ловил блик настольной лампы.

— Ты опоздала на три минуты, — голос у него был низкий, бархатный, с легким скрежетом, как будто он давно не разговаривал вслух.

— Дверь была заперта снаружи, — ответила я, стараясь говорить ровно. — Пришлось ждать дежурного.

Егор наконец посмотрел на меня. Его глаза были темными, непроницаемыми, как дно колодца. Он не предложил мне кофе, не спросил, есть ли у меня крыша над головой. Вместо этого он протянул наушники и планшет.

— Задача простая. Этот файл содержит запись разговора между пациентом и врачом. Но поверх записи наложен шум: гул вентиляции, скрип кресла, шаги. Твой абсолютный слух должен вычистить речь. Час. Если не справишься — уходишь и больше не приходишь. Никогда.

Это была проверка. Не дружеская услуга, а экзамен на выживание. Я взяла наушники. Внутри плеснуло тепло надежды. Они думают, что я жертва? Нет. Я инструмент. И инструменты не жалуются.

Я включила плеер. Мир сузился до звуковой волны. Гул вентилятора был на частоте 50 Гц, скрип кресла — резкий всплеск на 2 кГц. Шаги... их было много. Кто-то ходил кругами. Я сосредоточилась, отбрасывая лишнее, как хирург отсекает мертвую ткань. Через двадцать минут я услышала голос пациента. Слабый, дрожащий, но четкий. Через сорок минут я расшифровала каждую фразу. Когда я сняла наушники, Егор уже стоял рядом, скрестив руки на груди.

— Ты сделала это за сорок минут, — констатировал он. В его тоне не было восхищения, только расчетливое удовлетворение. — Хорошо.

Но тишина продлилась недолго. Дверь подсобки распахнулась с грохотом. На пороге стоял Марк. Его белая рубашка безупречно глажена, воротник давил на шею, но взгляд был холодным, как скальпель.

— Вот ты где, буферная зона, — протянул он, входя внутрь и оглядываясь с отвращением. Пальцы Егора замерли над клавиатурой.

Марк подошел ко мне вплотную. От него пахло дорогим одеколоном и опасностью.

— Ты думаешь, если спрячешься в этом логове крыс, тебя никто не достанет? Егор — не тот, кто тебе нужен. Он опасен. Декан знает о нем слишком много. Если ты свяжешься с ним, тебя отчислят мгновенно. Без права апелляции. Уходи. Сейчас же.

Сердце колотилось где-то в горле, но ноги держали крепко. Страх сменился азартом. Я посмотрела Марку прямо в глаза, игнорируя его угрозу.

— Если он так опасен, почему сын ректора стоит здесь и трясется, пытаясь защитить меня от одного лаборанта? — мой голос был тихим, но каждое слово било точно в цель. — Или ты боишься не за мою карьеру, Марк? А за свою репутацию? Что скажут, если король академии потерял контроль над своей «игрушкой»?

Лицо Марка исказилось. Мышцы челюсти напряглись. Он ожидал слез, просьб, унижения. Но получил дерзость. Он сделал шаг назад, словно от удара.

— Ты пожалеешь, — прошипел он, развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась пыль.

Егор молча наблюдал за этим спектаклем. Когда Марк ушел, он повернулся ко мне.

— Тебе повезло, что он испугался твоих слов больше, чем моих данных. Но теперь ты в игре. Полностью.

Он открыл шкафчик и достал связку ключей.

— Условия сделки изменены. Я дам тебе кров. Моя служебная комната на верхнем этаже лаборатории. Она переоборудована из склада. Там нет условий для жизни, но там безопасно от студенческого совета. Взамен ты работаешь со мной. Каждый вечер. Ты не рассказываешь никому о нашем сотрудничестве. Ни друзьям, ни преподавателям. Для всех ты просто ночная уборщица прачечной. Согласна?

Изоляция. Это пугало больше, чем голод. Потерять последнюю связь с внешним миром означало стать призраком.

— Почему я должна верить вам? — спросила я.

Егор вздохнул, и впервые в его лице мелькнуло что-то похожее на человеческую усталость.

— Потому что я не хочу быть добрым самаритяном. Мне нужно доказательство невиновности в деле пятилетней давности. Твой слух — единственный способ расшифровать архивы, которые я не могу обработать программно. Ты нужна мне как эксперт, а не как нуждающаяся. Это делает наш союз честным. Никакой ложной заботы. Только бизнес.

«Бизнес» звучало успокаивающе. Романтика была бы ловушкой. Прагматизм — щитом.

— Идет, — сказала я.

Комната Егора оказалась тесным помещением без окон. Воздух стоял тяжелый, пах плесенью и реактивами. В углу протекала труба, капая ритмично, как метроном. Егор молча показал на узкую койку и стол, заваленный бумагами.

— Кран течет, — сказал он, садясь за компьютер. — Почини, если можешь. Иначе не спишь.

Я осмотрела раковину. Ржавые гайки, старая прокладка. В детстве, в коммуналке, я чинила всё, от розеток до замков. Выживанию учили не лекции, а быт. Я взяла разводной ключ, лежавший на полке, и начала работу. Руки скользили по металлу, пальцы ныли от холода воды. Егор не помогал, не комментировал. Он просто наблюдал краем глаза. Когда я затянула последнюю гайку и проверила герметичность, вода перестала капать. Тишина стала оглушающей.

Егор молча встал, открыл нижний ящик стола и протянул мне банку консервов и сухари. Жест примирения. Не слова, а еда. Я взяла их, почувствовав странное тепло в груди. Он видел меня не как мозг, а как человека, способного справляться.

Ночь прошла тяжело. Сон был поверхностным. В два часа ночи дверь комнаты закрипнула. Я рванула с койки, сердце ушло в пятки. Под дверью шуршала бумага. Из щели выполз лист с печатью студенческого совета.

Егор спал на своем диване, свернувшись калачиком. Он проснулся мгновенно, как хищник.

— Проверка, — прошептал он, читая записку. — Марк хочет убедиться, что мы не занимаемся ничем запретным. Нам нужно показать, что ты заселена как сотрудница, а не прячешься здесь. Если они решат, что ты поселилась со мной тайком, компромат будет готов через час.

Страх смешался с адреналином. Теперь я была мишенью дважды. Из-за Виктории и из-за связи с Егором. Игра становилась опаснее.

Утром Егор дал мне доступ к закрытым архивам лаборатории. Цифры, графики, аудио-протоколы пациентов. Он просил найти аномалии в данных.

Я копалась в файлах, выискивая закономерности. И вдруг наткнулась на документ, помеченный грифом «СЕКРЕТНО/ЛИЧНОЕ ДЕЛО №402». Это были не медицинские данные. Это был протокол допроса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.